

Святая Церковь (и мы с вами) празднуем не только Воскресение, а еще и Усекновение главы Иоанна Предтечи.

Мы знаем с Вами, что в темницу Иоанн был посажен за правду, сказанную в «лицо» царю. Но посадить в тюрьму — это не означает, что обязательно казнить, тем более, что Ирод уважал Иоанна и понимал, что справедливо обличительное слово святого человека. Но спокойствия ради пусть Пророк посидит «и народ не слышит», и «жена» не зудит (да, да, не жена она ему, она жена брата его, но страсть к ней непереносима, и не может он без этой женщины!). Греховная блудная страсть и гордость его и «жены»: «Мы цари и все можем себе позволить! Все нам подчиняются, а кто не подчиняется, того, мы найдем способ, как подчинить...» И когда человек становится одержимым «мыслью подчинить или избавиться от Правдолюбца», то тут непременно подключается и «руководит» диавол — дух зависти, и злобы, и лжи. Этот дух, угнездившийся в голове Иродиады, поможет и дочери ее тем, что она пляской своей угодит Ироду и гостям его; до такой степени угодит, что — «проси, что хочешь!..» Все хорошо и мило — день рождения! Гости, речи... Праздник же! И «плясавица» (прекрасная танцовщица), наученная матерью, просит ни много ни мало: «Главу Иоанна Предтечи», прямо сейчас!.. Не предполагал Ирод такого исхода, не собирался он казнить Пророка, но «клятвы ради»... И приносят на блюде Главу... Вот, где «торжество» Иродиады и ухмылка диавола.

И здесь можно порассуждать об искусстве пляски, каких-то музыкальных инструментах используемых, о ритмах, завораживающих движениях прекрасного молодого тела... Танцы и хороводы, ведь, всякие бывают... Бывают и тихие — спокойные, плавные — нежные, а бывают и с примесью... дьявольскою. Кто может утверждать, что еще до пролития крови диавол уже не «соединил» мысли матери с казалось бы невинным действием дочери в один исход-результат?

Танцы и пляски, и песни, и хороводы были во все времена (мы знаем это из Ветхого Завета) и во всех народах, и, наверное, особенно процветали в Восточных жарких странах. В языческих племенах они были подпитываемы энергиями богов, и, значит, в них (танцующих) «вливался дух бесовский... Ирод не язычник, но бесовский дух сработал... В христианский период вся эта культура была облагорожена соответствующей окраской благорастойности и «величия духа», если так можно сказать, а не тела только. И все это живет и процветает пышным цветом и ныне. И не только в «день Рождения» знатного человека, а каждый день и «на весь мир», и по любому поводу, и, подчас, совсем непросто отличить, где присутствует «замес» дьявольский, а где более или менее приличный ритм, не провоцирующий на «эмоции ниже пояса». Естественно, что такое положение дел беспокоит

* Окончание. Начало см. «Вертикали. XXI век» № 45, 47, 48, 49 – 2015, 2016 гг..

людей, заботящихся о нравственности народа русского — православного, а потому эту тему исследуют отцы и предостерегают о духовной диверсии врага, призывая к внимательности и рассуждению, приводя примеры из жизни, подчас устрашающие, но и научающие борьбе с духами развращенности и безстыдства.

Вот есть такой монах — Игумен N (игумен Ефрем Виноградов-Лакербая), в настоящее время настоятель одного из скитов Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. Он издал книгу под названием «Между Небом и адом» и в ней приводит примеры из творчества поэтов, певцов, художников, композиторов и других людей искусства, в той или иной степени контактирующих с демонами. Игумен приводит факты, говорящие о сотворчестве демонов и человека, и поминает поэтессу Марину Цветаеву, приводя ее высказывание, записанное ее почитательницей Ольгой Колбасиной-Черновой (волею судеб они сдружились в эмиграции). С ней Цветаева делится своими мыслями о творчестве: «Состояние творчества есть состояние наваждения <...> Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель — не тебя, а того, что через тебя хочет быть <...> Наитие стихий — это творчество поэта».

Мы не можем не различать, что «наитие» «наитию» рознь, и если Цветаева в своем «наитии» в какие-то моменты хочет «Творцу вернуть билет» и «На твой бездушный мир. Ответ один — отказ!» (М. Цветаева за 2.5 года до самоубийства писала в цикле «Стихи к Чехии» 11 мая 1939 г.), то ее откровенное богоборчество, ее «наитие», никак не может быть сравнимым с наитием, к примеру, Андрея Рублева, сотворяющего, милостиво Божией и молитвами монашеской братии монастыря, в котором он жил и молился, знаменитую «Троицу», Благодать от Которой (даже от репродукций, в великом множестве напечатанных) действует и поныне, и даже на неверующих людей.

Искусство — вещь действенная и опасная. Один творит, восторгаясь, умиляясь, молясь, богословствуя о Великой Гармонии Согласованности и Любви, а другой выражает «отчаяние, и гордость, и вызов Творцу, и хулу на Бога в словах: «Твой бездушный мир».

Упоминает Игумен и Федора Сологуба, называя его контактером и сатанистом, приводя его стих, откровенно взывающий к дьяволу, а также называет «литератором-контактером» русского писателя — поэта Даниила Андреева (1906-1959), «который сидя в тюрьме (во «Владимирском центре»), благодаря медиумическому контакту с параллельным миром, написал вызывающую восторг оккультистов «Розу мира». Увлекались «этой Розой» не только оккультисты, но исклучено, что есть увлекающиеся и ныне. Упоминает Игумен N и многих известных писателей, композиторов, таких как Иоганн Вольфганг Гете, приводя в качестве доказательства высказывание автора по поводу написания романа «Страдания юного Вертера», выдающее Гете, как контактера с демонами. Упоминает Шумана, Перголези и других композиторов, художников Врубеля, Модильяни, Ван Гога, Сальвадора Дали, так или иначе «заигрывающих» с демоническими силами и закончивших земную жизнь в психиатрических больницах, или сумасшествием...

Известный бард нашего времени (советского периода) Владимир Высоцкий. Любители постарше возрастом и сегодня слушают записи его песен, и подкупает его правда и честность, но, говорит Игумен, и он «не был исключением из среды дехристианизированной пишущей братии. О его контактах с существами параллельного мира рассказывают хорошо его знавшие люди». Некто В. Янкович (это для меня «некто», прошу прощения за несомнительность) рассказывает: «С полной ответственностью за свои слова утверждаю, что Володя мог общаться с какими-то потусторонними силами, о которых знал только он». (В. Перевозчиков «Правда смертного часа» М. «Полит. бюро» 2000, стр. 122)

Да и сам поэт признается:

*Меня опять ударило в озноб,
Грохочет сердце, словно в бочке камень.
Во мне живет мохнатый злобный жлоб
С мозолистыми цепкими руками.*

...

*Мне тесно с ним, мне с ним невмозгту!
Он кислород вместо меня хватает.*

...
Он ждет, когда закончу свой виток,
Моей рукою выведет он строчку, —
И стану я расчетлив и жесток
И всех продам — гуртом и в одиночку.

...
Но я собрал еще остаток сил,
Теперь его не вывезет кривая:
Я в глотку, в вены яд себе вгоняю —
Пусть жрет, пусть сдохнет — я перехитрил.

Мне думается, Игумен — автор этой подборки — после таких строчек мог заплакать... Жалко ведь эту ошибающуюся (прельстившуюся) душу. Думается, Игумен мог ему мысленно сказать, да и любой христианин тоже: «Дорогой Володя, диаволу только и надо было, чтобы ты сказал ему, что «перехитрил» его! Тут-то ты и попался. Вот ты тогда бы его перехитрил, если бы попросил преданную тебе женщину, ухаживающую за тобой (кстати, пример преданности не телом, а душой) послать за священником, и она бы отыскала его и привела, и ты бы во всем покаялся и, еще немного пострадав, стал умирать — «перехитрив».

Крестился же, говорят, Булат Окуджаву в подобной ситуации. Его жена, православная Ольга, переживала о том, что ее муж не крещен, и после смерти они не смогут быть вместе. Лет за 10-15 до кончины поэта, Господь сподобил ее посетить Псково-Печерский монастырь. Ей посчастливилось беседовать с о. Иоанном (Крестьянкиным). В ответ на ее сетования, что муж не крещен, старец неожиданно прорек: «А ты не волнуйся, ты сама его и покрестишь». От неожиданности Ольга только и смогла спросить «А как же я его назову? Булат ведь имя не православное». «А назовешь его Иваном, как меня» — был ответ старца... Об этом событии жена Окуджавы вспомнила уже после смерти поэта, когда предсказание старца в точности сбылось.

А произошло это так. Во время своей последней поездки в Париж, где Окуджаву был с женой, он заболел, и заболел к смерти. Чувя близкую кончину, он поведал жене, что хочет креститься. Будь дело в Москве, наверное бы, Ольга смогла в кратчайшее время пригласить священника для совершения обряда крещения. Но в далеком от родины католическом Париже... она не смогла быстро отыскать православного священника. И тогда, зная о том, что страха смертного ради, любой христианин или христианка может крестить умирающего, она, чувствуя приближающуюся кончину, только спросила его: «С каким именем тебя крестить?» «Иоанном!», — услышала она в ответ. Так в точности сбылись слова старца о. Иоанна (Крестьянкина), сказанные Ольге за много лет до этого события, в Псково-Печерском монастыре. И умер поэт христианином, ничего не сделав в Православии, но «начало успел положить», «точь-в-точь», как благоразумный разбойник на кресте перед Страдающим Богом. Его, впрочем, что я могу знать, может, и Владимира Высоцкого вымаливают его друзья и знакомые. Господь милостив!

Мы понимаем, что Игумен N в своих суждениях об одержимости демоническим духом творческих людей, как монах, может быть и прав, но для мирского человека он слишком категоричен и не во всем приемлем. Особенно когда речь идет о близких нам по времени, и по почитаемости одаренных людях, к примеру: Врубеле, Цветаевой, Высоцком. Мы понимаем, что не всегда они были подвержены «мохнatomу злобному жлобу» или жили в бунте против Бога, Его «мир называя безумным». Были же и «чистые слогии», высокая поэзия и до боли трогательная песня. Были, конечно. Мы же их читали и слушали или упивались изысканными цветами, ни на кого не похожим колоритом Врубеля в Третьяковке. (Так ведь мы и грех, вообще, «любим», и даже Апостол Павел об этом говорит: «Чего не хочу — делаю», и «грех во мне живет». И мы «согласны» — «пусть живет»...)

И тогда Господь вновь и вновь посылает милость Свою. Человек какое-то время живет в согласии с Богом: внутри — мир, и творчество — доброе. И Игумен N подтверждает нашу догадку — «нашу поправку» и сравнивает их с Пушкиным, Есениным, Ахматовой, у которых, на его взгляд, не встречается подобных увлечений, и приводит цитату от Митрополита Анастасия (Грибановского): «Мы все знаем, что талант есть роскошь природы... Но что

такое талант по своему существу? Ответить на этот вопрос так же трудно, как нелегко сказать, что такое электричество. Мы не можем определить его природы, но чувствуем присутствие этой таинственной силы... Талант — это сверкающая искра Божия в человеке, это помазание свыше, это — огонь и свет, согревающий и озаряющий нашу душу, это — незримая власть Божию милостию... Приближаясь к нему (к таланту), мы испытываем некоторый трепет, но зато после соприкосновения с ним в нашем сердце ощущается праздничное настроение» (*Митр. Анастасий (Грибановский) Беседы с собственным сердцем*).

Всякий из нас может это подтвердить из своего опыта, когда нам было хорошо после концерта или музея, или книги. Главное, чтобы не было пустоты или разрушающих душу «мотивов». Главное, чтобы была маленькая благодать, согревающая сердце, возможно, с болью.

Здесь, в заключение, хотя тема большая и возможно продолжение, мне хочется признать в неловкости некоторой, может быть греховности в том, что после Божественной Литургии!.. я вас своею проповедью «опускаю так низко» и тем умаляю Достоинство Божественной службы... и в этом я каюсь и в то же время нахожу себе оправдание: Все равно, вы (мы) сейчас пойдём в мир, в коем всех тех «прелестей» не занимать, они нас будут окружать, мы ими будем соблазняться, кто больше, кто меньше.., но, может, будучи предупрежденными об этом, мы станем чаще или всегда творить молитву, чтобы противостоять козням диавола и с помощью Божией побеждать или, по крайней мере, пребывать в борьбе. Всем ведь, известно, что жизнь есть борьба! В церкви — Божественная Литургия — Благодарение за Все (!).., а дома (в мире) — борьба. Некоторые изнемогают.., кому-то поспокойнее... Аминь.

11 сент. 2016 г.

Ев.чтение Лк. 35 зач. гл. 7 ст. 5 — 15

«Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано. И птицы небесные поклевали его». <...> «Семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись»... (Лк. 8; ст. 5, 11-12).

А как это происходит, что «приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись»?.. Как происходит? Да, по-всякому. И очень даже разнообразны «эти приходы диавола» и кража слова Божия.

«Уносит слово» — крадет — наверное, это выражение имеет шире смысла. Просто «уносит» — просто крадет — узкое понятие (украл миллион из казны, украл буханку хлеба, украл книгу...). В широком смысле «уносит» — подменяет, вносит сомнение, уносит истинный смысл, внедряет фальшивку. К примеру, человек знает некоторые евангельские изречения, отеческие установивки, но жить ими не намерен, оправдывая себя фразой: «Бог в душе», а когда ему священник (или мирянин) напоминает о тех или иных необходимостях, типа: посещать воскресные службы, исповедаться, причащаться — он повторяет ту же мысль: «Бог в душе», или «это моя личная-интимная жизнь, и в нее вторгаться не позволяю никому», или что-то в этом роде... И так живет человек с таким мнением многие годы, аж до старости... и придумывает себе всяческие отговорки и руководствуется ими (в скобках следует сказать, что вас — стоящих и слушающих — это не касается, или почти не касается, коль вы стоите в храме Божиим... Было когда-то подобное, но в прошлом, а ныне, как бы, живем по заповедям Божиим).

«Уносит диавол» Слово Истины, и это значит, что тут же «заполняется пустота», его же, диавола, старанием — внушить мысль другую, ложную, как мы уже сказали: «Бог в душе» и моя «интимная» жизнь. И «в церковь мне не надо». «Я нормальный человек, никому ничего плохого не делаю и, вообще, живу для людей»... Что ж, может, человек и прав для себя... Но почему-то народная мудрость нам напоминает: «Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец» или «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее».

Безусловно, Церковь и Бог в душе должны быть, но о Которой Христос напоминает: Она соборна, в Ней есть, с чем сверять, а в одиночестве можно

заблудиться. Опять же, для чего «созиду»? Для того, чтобы приступали к Чаше — причащались Тела и Крови Христовых и для того собирались «Во едину Святую, Соборную и Апостольскую» — так, ведь, мы исповедуем в «Символе веры»?! Только так и исповедуем!

«Интим» тоже есть, но То, когда речь идет не о показной молитве, не о публичной, а о внутренней, сердечной, углубленной — ничего не видящей и ни о чем не помышляющей, кроме Бога, душе (редкое состояние — удел святых): «войди в келью свою и сотвори молитву в тайне...»

Есть в истории Церкви Православной такие великие недостижимые отшельники, которые Заповеди Божии: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим...» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (*Мф. 22, ст. 37-39*) — исполнили сполна и стали святыми, и мы молитвенно обращаемся к ним за помощью, за ходатайством их пред Престолом Божиим о наших скорбях и болезнях.

Вот некоторые примеры. Онуфрий Великий. Жил в пустыне 63 года. Исполнил Евангельские повеления буквально. «Даже, если бы он один был такой, и тогда нельзя сказать, что слово Божие приятно слушать, но невозможно выполнить», — восхищается известный московский проповедник.

Онуфрий был гол, как Адам, и Бог одел его по всему телу мягким, как пух, волосом. А питался он от пальмы, росшей поблизости, чудесным образом плодоносящей двенадцать раз в году, как те деревья в грядущем Царстве, о которых сказано в Откровении (*см.: Откр. 22, 2*).

Далее проповедник восхищается Иоанном Кронштадским, вся жизнь которого — «словно столб огня, рвущийся к Богу». Восхищается Лукою (Воино-Ясенецким — архиепископом Симферопольским), врачебное искусство которого при смирении («Ты, Господи, Доктор, я — Твое орудие»), пламенные молитвы в храме и утверждение слова истины повергают нас к благодарному поклонению.

Поминает Ксению Петербургскую, «умершую для обычной жизни» после смерти мужа и молящуюся о спасении души его, а потом и о всех петербуржцах, а ныне, должно быть, и о всех нас, поминающих ее и просящих: «Ксения блаженная, моли Бога о нас!».

Иоанн Русский, блаженная Матрона Московская, Великомученик Георгий и Николай угодник Божий и чудотворец — от них диавол не только «не уносит — не уносил» слово Божие из сердца, а еще и поражает был ими всегда и теми, кто молится им, скоро на помощь приходящим.

В этом году в настольном календаре «От Пасхи до Пасхи» на каждый день новомучеников Российских поминаем, которые шли за Христом даже до смерти, и хотя враг рода человеческого — диавол — через людей, ему служащих, изощрялся всячески в мучениях, им уготовляемых, но побеждаем-посрамлен бывал «Богом в душе», у них пребываемым и громогласно устами их исповедаемым.

Не все устояли. Немощь физическая и духовная свойственна большинству, но тем святее избранные. А к неустоявшим Господь тоже милостив будет за их скорби, болезни и лишения. И пополнят там на небесах «несвятые святые» ряды новомучеников, в Земле Российской... Но это определяет сердцеведец Господь! Аминь.

Воскресенье 30 окт. 2016 г.

Мне всегда бывает стыдно, когда речь заходит о каком-либо физическом напряжении, о какой-то не норме — будь то боль или какая малая скорбь, — и я не могу это терпеть... Или слабость ко сну. Меня буквально валит с ног сон... Иногда, правда, успокаиваешь себя тем, что в Евангелии встречаются эпизоды, когда апостолы (самые- самые), на которых Христос больше надеялся, чем на других, тоже «валились» от сна, и причем в самый, казалось бы, неподходящий момент — в Гефсиманском саду... (а есть люди, которые запросто, проспав 4-5 часов, остальное время прекрасно бодрствуют, и трудятся, и не спят днем). К чему эта присказка? А к тому, что имею ли я право говорить о боли, о мучениях, о невозможности бороться со сном, если сам ни в чем в этом несостоятелен? Не имею, а говорю. Почему? Не знаю. Или, точнее, долго объяснять. Человеку свойственно, наверное, противоречить ближнему, ершиться, задираться мысленно, спорить, утверждать свое

мнение, подчас когда его и не спрашивают. Ругаться, к примеру, по поводу телевизора («выкинуть его вообще надо из дома»). Некоторые выкинули. Может, и правильно. Таких мало. Но если, выкинув телевизор, человек не выкинул из себя еще кое-что (вместе с ним), к примеру: спесь, высокомерие и прочие язвочки, — то результат может оказаться невелик, а может результата вообще не быть. Почему? Потому что в этом самом «ящике» может быть канал, по которому говорят о культуре и религии, и человек, не верующий вчера, увидел, к примеру, Афон — гору Преображения или просто лицо монаха... **Рассуждающему человеку необходимо видеть, слышать, размышлять, исследовать...**

Сегодняшний столичный авторитетный проповедник и миссионер на проповеди приводит пример из фильма «Семнадцать мгновений весны», где Штирлиц «под колпаком» и его ведут в подвалы гестапо. Боже, упаси подумать вам, что я ратую за телевизор, чтобы вы перед ним сидели часами, или за кинозал, чтобы вы туда чаще ходили, чем в церковь, я ратую только **за разумность и меру**, а пример из известного советского фильма — для осмысления, для напоминания, что в мире нашем всегда есть и всегда были герой и палач, торжество подвига и животный страх, который большинством людей овладевает... И проповедник подробно описывает, как киношному герою показывают, как бы ненароком, орудия пыток: «они лежат на столике... пилы, щипцы, сверла, гладкие и никелированные — они похожи на врачебные инструменты». И хотя художественный фильм — это не жизнь, но сегодняшнему молодому человеку, не знающему ни церковной истории, ни жития святых (а повествования о мучениках он может воспринимать как сказку), это более наглядно и доступно для осмысления. И когда ему напоминают о мучениках первых веков христианства или о реалиях нашей эпохи, пусть даже через художественный фильм, то понять или, точнее, приблизиться к понятию о новомучениках реальных, пострадавших за веру Христову в XX веке, значительно проще. И «подготовив» слушателя (или читателя), проповедник начинает говорить по сути дела. Начинает говорить без каких-либо подробностей об устрашающих орудиях пыток или о методах и изощренности палачей и, лишь упоминая о немощи человеческой вообще, делает главный вывод: «Тайна их (мучеников) терпения — в их благодатности. Ведь без благодати Божией (один только) взгляд на орудия пыток может лишить человека сознания». Далее он напоминает, откуда она берется, эта «благодатность». Она проистекает из Пятидесятницы — Дня Сошествия Святого Духа на апостолов, которые, восприняв божественный огонь, стали мужами крепкими настолько, что почти все прошли свою гологофу в подражание Христовой. И еще, и самое, неверное, главное, что «огня и веры» их хватило первомученикам в течение трех с лишним веков и достало до наших времен в лице новомучеников Российских в известные годы, достает и ныне в лице сирийских христиан, проливающих кровь все за то же — Святую Соборную и Апостольскую церковь, оставленную нам Христом. Итак, завершает мысль проповедник: «Мученичество — это один из первых исторических плодов Пятидесятницы. В своем настоящем, подлинном виде христианство — это явление сверхприродное. Из жителя мира сего оно делает человека жителем мира иного, с иными чувствами, иными мыслями, иными свойствами. Если человек обновился под действием благодати, то он может плакать там, где другие смеются, детской забавой считать то, чего страшится большинство. Может он и терпеть муки так, как будто находится в чужом теле» (прот. Андрей Ткачев «Полные Богом» (слово о мучениках), «Воздух небесного града», М., 2016).

Мы чтим сегодня память апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, хотя и умершего своей смертью, но прошедшего мученические испытания... И еще чтим память святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона, с избытком вкусившего горечь гонений Церкви Христовой и благословлявшего многих своих чад на муки и страдания в тюрьмах и лагерях, во множестве «созданных» богоборческими силами на пространствах земли Русской.

Святителя Тихона прославили в лике святых на Архиерейском соборе РПЦ 9 октября 1989 года. С него началось прославление новомучеников. «Дети, любите друг друга! — говорит в последней проповеди апостол Иоанн. — Это заповедь Господня, если соблюдете ее, то и довольны». В унисон ему звучат и последние слова Патриарха Тихона: «Чадца мои! Все право-

славные русские люди! Все христиане! Только на камени врачевания зла добром созиждется нерушимая слава и величие нашей Святой Православной церкви, и неуловимо даже для врагов будет святое имя Ее, чистота подвига Ее чад и служителей. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему. Не поддавайтесь искушению, не губите в крови отмщения и свою душу. Не будьте побеждены злом. Побеждайте зло добром!» (Правосл. календарь «От Пасхи до Пасхи», 9 октября 2016).

Остается только пожелать (себе и всем нам) внедрить в глубину сердца своего слова сии и, если вдруг Господь сподобит кому (и если в перспективе определится и назначится Им), осуществить слова на деле!

*Говорил в Сергиевском храме в г. Дзержинске
после Божественной Литургии,
по приглашению о. Александра Жучкова.*

Мы знаем, что преподобного Сергия называют Печальником о Земле Русской. И все его житие подтверждает эту его печаль и любовь. При жизни земной он переживал о разделенности князей и чтобы примирить враждующих, полагал немалый труд; путешествуя в землю нашу Нижегородскую, оставил память о себе, заложив храм Живоначальной Троице в пределах Нижнего Новгорода... Благословил князя Московского... на битву с полчищами орды... Благословил! И двух монахов дал в ознаменование причастности Церкви к борьбе с захватчиками. И молился о победе. Так было тогда: «Вавилонское» время — пленение Православной Руси и надругательство над верой Христовой, поругались и над ним — он мощами своими переживал вместе со всем народом Божиим. Мы надеемся на помощь — ходатайство его, и эта надежда подтверждена плодами — сколько монахов и священников воспитываются, обучаются и идут служить Богу и людям из его благодатного гнезда — Троице-Сергиевой Лавры. И если он покровительствует и молится за нас, за наше молодое поколение, верное его поучениям, то, должно быть, он продолжает быть Печальником Земли Русской и сегодня.

И о чем же авва Сергий может печалиться? Он может печалиться о том, что у нас в храмах все есть, а нет любви (или ее очень мало), и нет единства, и даже у священников нет должного братолюбия, а есть распри. В материальном смысле — недостаток: и чаши золотые, и сосуды, и подсвечники и паникадила — роскошь то есть, она оправдана — все лучшее должно посвящаться Богу, но при наличии главных духовных добродетелей...

А вот, послушайте, как было у Сергия. То, что монастырь зарождающийся был до крайности беден, и что одежда самого Сергия была ветха до некудышности, его это нисколько не волновало. Только одно обстоятельство, связанное с бедностью монастыря, печалило Сергия. Это — скудость ризницы. Чаш не было не только золотых или серебряных. Не было даже оловянной чаши, и использовать приходилось деревянную. Бывало, что вместо восковой свечи в храме часто коптила лучина. Ризы были из самого простого полотна... без шитья, без красивых узоров. Но зато среди простоты и смирения рвалась к Богу жаркая, как огонь, молитва...

Однажды монахи видели, как на престол в храме, где служил игумен, сошли с неба языки пламени. Пламя, как живое, двигалось по престолу, ничего не опаливая, и затем, собравшись в клубок, вошло в Потир. Этим Фаворским пламенем Преподобный и причастился.

Мы, кажется, помним об этом чудесном видении и удивляемся, и умиляемся, но это ничуть нам не мешает снова и снова пребывать в суетных заботах и углубляться в ту суету, которая сразу же возникает после службы, после Божественной Литургии, и мы бросаемся заботиться о коврах, о дорожках, об отделке, обо всяческом украшательстве во вне, не видя и не желая видеть вокруг себя, внутри себя, страждущих, жаждущих утешительного слова и внимания пастырского...

И о чем же еще может печалиться авва Сергий, глядя на нас? Кажется, нетрудно представить такую картину (и отнюдь не фантастическую, а самую реальную, подтвержденную фактом, совсем недавно показанным в «Новостях»): мы с вами можем слушать в храме во время Литургии (или Всенощной) Евангельское чтение о «чудесном улове рыбы» (по указанию Христа)

и вместе с апостолами удивляться чуду (множеству пойманной рыбы), а в это время (почти буквально) в нескольких десятках метров от нас плавает по Оке или ее заводям отравленная рыба, протухающая и заражающая воду и берег, после чего такую воду не только пить (мы уже забыли напрочь о возможности пить из реки, что было нормой лет 70 назад), но даже искупаться в ней небезопасно... Как не печалиться о таких делах человеческих? Конечно же, печалится и Преподобный, и мы с вами... Но мы-то с вами не виноваты?! Может быть... а может...

Человек богатый — начальник добрый — жертвует на храм, на воскресную школу, на памятник или еще на что... Все прекрасно и благостно!.. А что, если вдруг этот же человек в группе людей начальствующих «сквозь пальцы» посмотрел и умолчал о неправильном, о незаконном сливе ядовитых веществ (Дзержинск подобными делами давненько славится), и поплыла отравленная рыба далеко и много... Так ведь это он умолчал, дал согласие («строить очистительные сооружения — это же так дорого»), а мы-то тут при чем? А при том, что принимаем пожертвования, которые могут «пахнуть нехорошо»... Получается, по Ф.М. Достоевскому: «мы все за все в ответе» (так он утверждал). Да, да, конкретно ни тебя, ни меня это не касается; ну, так ведь нам ничего и не предлагается, кроме как печалиться вместе с Преподобным Сергием и молиться: Господи! Что же с нами происходит? Куда же мы двинемся, т.е. падаем?

Детям на уроках будем повторять старую поговорку: «не плюй в колодец — пригодится пить», — а сами «плюем», сознавая, что «пить из этого колодца» не будем — привезем из другого... Пока!.. Но ведь чистая вода может кончиться так же, как кончается общественная нравственность... Господи, что с нами происходит? Преподобный отче Сергие — печальник наш, моли Бога о нас! Он ведь, Господь-то, опять и опять что-то может поправить в нас и СПАСАТЬ нас... а если спасать, то и праздновать...

У вас же сегодня престольный праздник, и «печаль», милостию Божией, на какой-то момент может отступить. Благодарение Господу Богу воздав, и осознав недостатки наши, и печалясь о них, постараемся трудиться далее в церкви Божией во благо Отечеству...

Святая Церковь чтит память святителя Дионисия-священномученика — епископа Афинского. И, значит, сегодня именинники Дионисии. Но что у нас происходит с именами? Как, по какому принципу мы называем своих детей? Недавно встретился мне молодой человек, сын моего давнего товарища. Мы мало знакомы и не близки по духу, но я ему напоминаю или намереваюсь предложить «свою» тему. Говорю, 16 октября будет память Дионисия Ареопагита, ты, должно быть, будешь именинник?.. После некоторой паузы и непонимающего взгляда, а скорее нежелания вникнуть, он отвечает: «Я вообще-то Денис...». Случилось так, что разговор окончился, не начавшись, — то ли меня кто окликнул, то ли ему позвонили, — и мы, извинившись, расстались...

А накануне дня памяти выше указанного святого я вспомнил про этого Дениса и подумал, что если бы мы побольше знали о наших небесных покровителях, даже если мы, сегодня недостаточно церковные или вовсе не церковные, наверное или возможно, были бы лучше. Всему виной обширная информация, поверхностная, уводящая от всякой серьезности, и наше нежелание знать свои традиции, знать свои корни. В общем, живем «по моде». «Пошай» Тимофеи, Никиты или Апполинарии, Пелагеи, чтобы называть «Полюшка» или «Полина». Можно дать имя Мелания, чтобы звать на деле «Милана». (Я забыл, когда крестил младенца с именем Николай или Александр, Анна или Мария.) Беды большой, конечно, нет — как бы ни назвали, но знать о небесном покровителе все, что о нем написано, обращаться к нему с просьбой о ходатайстве перед Богом, вот что важно и нужно. Или вот на днях обратились: «Крестить бы дочку. Мы хотим назвать ее Агата (мы знаем, что такого имени в православных святцах нет, тогда можно Агафья или Анна)». Оказывается, Агата — католическая святая... Так и хочется сказать, зачем же идти в православную церковь? Может, надо сразу ехать в Нижний к католикам?.. Там есть католический приход. Непонятно, зачем ребенку, еще несмышлянышу, навязывать и укоренять в нем, и в детях вообще,

двойные стандарты? Нам мало своей двойственности? У нас нет своих святых, у нас нет красивых имен? А, между тем, у новорожденной ближайшая святая — праведная Анна — мать Пресвятой Богородицы. Что может быть лучше? Но мы отвлеклись от темы.

Итак, знание о своем небесном покровителе (о каком-либо святом вообще) сделает нас лучше! И Денис сможет «принять» Дионисия.

Какой же удивительный был этот человек, ставший Святым Вселенской Православной Церкви и прижившийся в Русской — Православной. Но рассматривать его можно только через Апостола Павла. Именно он «родил» его духовно.

Краткая справка из настольного календаря (16 окт. 2016 г.): «Священномученик Дионисий получил в Афинах классическое эллинское образование. Изучал в Египте астрономию и наблюдал солнечное затмение в момент распятия Христа. «Это или Бог, Создатель всего мира, страждет, или этот мир видимый кончается», — сказал он тогда. Крещение принял после проповеди апостола Павла в верховном суде Афин Ареопаге (Деян. 17; 16-34), членом которого был, и Павел поставил его епископом Афинским».

А начиналось все так: апостола Павла привели в Ареопаг, чтобы послушать его речи. И он перед их высоким собранием говорил: «Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и все, что в нем. Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет». (Деян. 17, 22-24)

Известно, что Афины были городом-центром древнегреческой культуры и религии. И апостол Павел, зная философию Платона и Аристотеля, живших еще в четвертом веке до Рождества Христова и пришедших к идее единого Бога, мог свободно заговорить с афинянами об этом. И утверждать их (Платона и Аристотеля) идею, воплотившуюся в личности Христа. Из «Деяний» мы знаем, что до определенного момента его слушали, а когда речь зашла о воскресении мертвых, «одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Итак, Павел вышел из среды их. Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними». (Деян. 17; 32-34)

Для православной Церкви Дионисий оставил труды (их называют «Ареопагитики»): «О Небесной иерархии», «О церковной иерархии», «О именах Божиих», «О мистическом богословии» и десять посланий к разным лицам.

Известно также, что Дионисий Ареопагит, нарочно приезжавший в Иерусалим из Афин, чтобы видеть Богоматерь, оставил нам письмо, написанное им своему учителю апостолу Павлу. Вот эти удивительные слова, которые сказаны как будто вчера и которые всегда хочется читать, совершая тот или иной праздник Пресвятой Богородице или Ее иконе: «Свидетельствуюсь Богом, что, кроме Бога, нет ничего во вселенной, в такой мере исполненного божественной силы и благодати. Никто из людей не может постигнуть своим умом то, что я видел. Исповедую перед Богом: когда я Иоанном, сияющим среди апостолов, как солнце на небе, был приведен пред лицо Пресвятая Девы, я пережил невыразимое чувство. Предо мною заблестало какое-то Божественное сияние, оно озарило мой дух. Я чувствовал благоухание неописуемых ароматов и был полон такого восторга, что ни тело мое немощное, ни дух не могли перенести этих знамений и начатков вечного блаженства и небесной славы. От Ее благодати изнемогло мое сердце, изнемог мой дух. Если б у меня не были в памяти твои наставления, я бы счёл Ее истинным Богом. Нельзя себе и представить большего блаженства, чем то, которое я тогда ощутил».

Впоследствии, знаем мы, Дионисий Ареопагит присутствовал при погребении Пресвятой Богородицы и, наверное, снова и снова повторял свои же слова: «От Ее благодати изнемогло мое сердце, изнемог мой дух».

После кончины апостола Павла святитель Дионисий пошёл с проповедью в западные страны. В Галии (современная Франция) его схватили и ввергли в темницу. Ночью он совершил Божественную Литургию в сослужении Ангелов, а утром его обезглавили. Было это в 96 году, во время гонения при императоре Домициане. (Наст.кн. священнослужителя. М., 1978 г., 2 том, 3 (16) окт., стр.154).

Это было давно, это было недавно, это было вчера... Опять показывали в «Вестях», как отрезают головы (то ливийским, то сирийским) христианам. Ужасающие кадры, специально снятые палачами на камеру. С экрана телевизора нам показывают не все (щадят нервы зрителя): процесс ведения на место казни, жертву ставят на колени, заносят нож... После завуалированной сцены казни демонстрируют кадры вопиюще жестокого цинизма: палач (неведомый для нас, но реальный) поднял голову казненного мальчика (тоже нам неведомого и тоже реального), не знаю, христианина или мусульманина. Сомневаться в «цивилизованности» западного мира, провоцирующего и подпитывающего древние навыки некоторых племён «Ветхозаветного региона» — Ближнего востока — не приходится. Приходится только опять и опять задавать себе неразрешимые вопросы, типа: куда идёт человечество?

Хорошо это или плохо — омрачать «благополучного» зрителя подобными «картинками»? Плохо!.. После такого долго человек уснуть не может. Хорошо!.. Потому что можно (или следует) помолиться, повздыхать, вспомнить: «В мире скорбни будете, но мужайтесь...» или «Душа Моя скорбит смертельно... да минует Меня Чаша сия, но не как Я хочу, а как Ты, Отче».

Некоторые засыпают со слезами (как выяснилось однажды на исповеди), а просыпаются с радостью за новый день и с Благодарением за Литургией.

Еще совершается!..

Аминь!

Молодой батюшка не допустил беременную женщину (со сроком восемь месяцев) к Причастию под предлогом, что она не расписана с виновником ее беременности... Молодая женщина полтора дня проплакала, после чего ее тетя позвонила мне. Так я узнал эту историю. Кто я такой? Да «никто» — просто, мы давно знакомы. А тетя — равнодушная.

Первая моя реакция в адрес батюшки была такая: «А он не сказал ей, что делать с животом, в котором уже сформировалась жизнь? В котором, уже третий субъект, являющийся плодом двух грешников, но их грехов не имеющий и своих пока тоже, ну, кроме того, который у всех человеков...»

Потом, поостыв, захотелось мысленно поговорить, порассуждать с батюшкой (он — в Нижнем, я — на Бору), хотя мы и незнакомы, но все же... Интересно, как бы он поступил с Вирсавией, которая была беременна Соломоном от Давида (а Урию к тому времени убили)?.. Допустим на минуту, ну да, это до Христа, о котором еще только пророчествовали, но вдруг бы возможно было Причастие (допустим): как бы батюшка поступил?..

Помолимся все вместе Господу Богу и царю-псалмопевцу Давиду, ставшему, по покаянии, святым, чтобы нам уразуметь некоторые исключительные случаи, при которых...

На Руси (когда она была «сермяжная», т.е. на «Святой Руси») считалось, что женщина, идущая на роды, идет, как на смерть. И это правильно. Даже при сегодняшних условиях, когда роженицы не умирают, или не часто такое бывает, но ведь и при благополучном исходе: целых сорок дней женщина в «нечистоте», потом кормящая мать — не всегда выберешься в храм, если и захочешь... Да, а потом, после родов, может батюшка любой — хоть молодой, хоть опытный — аккуратно предъявлять кающейся (живущей незаконным браком) определенные требования и рекомендовать их исполнять.

А в экстремальных случаях следует Причащать непременно!.. Ну, ел же Давид Хлебы Предложения, которые выпросил у священника, и тот дал ему за неимением хлеба обыкновенного. Тот самый Давид, упомянутый нами, «и кто с ним был и тем дал», хотя Хлебы — только для священников. Ну, сильно они есть хотели. Исключительный случай был... Да, да, мы «не цари». Но и «не праведников пришел Господь спасать, а грешников».

Мне недавно рассказал один родитель про увлечение своей дочери. Она, кажется, класса с шестого ходила (возили ее родители) в конную секцию, а сейчас она уже взрослая девушка, получает среднее образование, а увлечение ее еще более возрастает, потому что попала к хорошему тренеру, или, точнее сказать, к заинтересованному и горячо любящему детей и конный спорт человеку.

Он их, своих подопечных (детей и коней), привез в Городец на соревнования, где было все удивительно четко и на высоком уровне организовано («Ну, как в Европе», — так выразился рассказчик, хотя, как в Европе, думается, что ни он, ни тем более я не знаем). И она, наша знакомая девушка, проявила себя достойной наездницей, и другие ее подруги из Борского края не подвели команду. Но прозвучала одна печальная нотка среди тренеров («И мы там оказались после мероприятий, — продолжает рассказчик. — Нас хвалили и подерживали, по причине сложностей финансовых, транспортных»), а скорее, проблема: в секциях совсем нет мальчишек. Вот это да! В команде какого-то района был один мальчик, так тренеры своему коллеге с восторгом говорили: «Ух ты, у тебя парень!..» «Это что такое, друзья мои?» — сокрушается наш случившийся при разговоре (уже пожилой) собеседник... Может быть, поэтому наши девочки к мусульманам уходят? Какие красивые скачки можно увидеть (с телеэкрана) на праздниках в Дагестане, в Чечне, в Казахстане, Бурятии! Понятно, что мы, русские, другие. Но когда спорт развивается, всякие секции есть, и мы на соревнованиях неплохие результаты даем, что же происходит с нашими ребятами, с конным спортом? Это же так красиво! Это же так мужественно, а тут девчонки одни! Выходит, что нашим девушкам оду следует писать: как они любят, как они заботятся, ухаживают за своими подопечными, как они их чистят и лелеют, и, должно быть, «разговаривают» с ними...

А мальчишки что?.. А где те мужчины-отцы, которые их не научили?.. Отцы и деды, не научившие тогда, не обучающие ныне, не виноваты? Может быть. Когда-то их вытряхнули из села, из крестьянства-христианства и угнали в города, заставили заниматься не крестьянским трудом, где лошадь была чуть ли не членом семьи...

Но то было тогда. Сейчас, вроде бы, опомнились, хотят возвратиться. Кто-то хочет, а кто-то ленится, не утруждает себя мыслью, что «мужик кончается».

Да не будет так!.. А то, не ровен час, надо будет мальчишке в танк садиться, а он изнежился у компьютера, и у него ни мужества, ни любви к Отечеству не обнаружится. Ищи тогда виновных... Понятно, что у нас немало хороших парней, а надо, чтобы все были хорошими и за Русскую Землю постоять могли — за честь, то есть, и за все, что с честью связано.

На днях в новостях показали несколько кадров о секте сайентологов (как бы запрещенной), и известный сектовед Дворкин сказал, кроме всего прочего, что **«главное у них — деньги...»**, а буквально на второй день после этой информации мне пришлось говорить с одним батюшкой — настоятелем храма, который на вопрос, «как служится», отвечал, что все бы ничего, если бы не ежемесячные взносы (обязательные) в Епархиальное управление... У меня, говорит, постоянно «болит голова», где взять? У кого просить?..

Понятно, что все это в Епархиальном управлении объяснено, на какие нужды тратятся деньги, но от того не становится легче... А мне подумалось (сопоставляя), может, и мы (православные) движемся к сектантам-сайентологам... и не «отливаем ли мы», как древние израильтяне, ожидая Моисея с горы Синай со скрижалями Завета, «Золотого тельца» и не танцуем ли тоже вокруг него? Кошунственная мысль, м. б. в ней надо каяться? Каяться-то всегда надо, и м. б. я уже каюсь, но мысль не исчезает. Более того, мы при этом все «хором говорим», что Божественная служба — Божественная Литургия — у нас самое главное дело, и это действительно так.

Но чем можно оправдать постоянные мысли настоятелей о добывании денег, чтобы внести их в определенное время и определенную сумму? Чем? И кто и как научит молодого священника совершать Литургию с чистой головой?.. «Не торгуем ли мы Богом?» Когда-то такую фразу у Генриха Беля прочитал. Господи, прости. К глубокому сожалению, похоже, что так.

Вот иллюстрация. Рассказали две наши прихожанки о кутье, которую надо было выкупать в одном Нижегородском приходе в дополнение к заказанному обеду-помину новопреставленного за... Вы можете себе представить, за какую сумму? (Я не смог.) За пять тысяч!!! После «онемения» я спросил:

— А сколько же кутьи-то — огромное блюдо?

— Да нет, — говорит и показывает свою пригоршню...

Мне снова непонятно:

— Так там какие-нибудь заморские сладости, что ли?

— Да нет, зерно одно, как обычно, ну, может быть, изюм есть, не помню... У нас не было пяти тысяч, мы все уже отдали за основной обед... Опечалило это нас, но что поделаешь?..

Еще бы не опечалило. Мы здесь на Бору мед покупаем за 500 рублей — литр. (или килограмм), так этим количеством 40 человек помянуть можно, и еще останется.

Удивительно еще и то, на кого рассчитаны такие цены в православной сфере, где желают сделать все по-правильному — по-церковному. Неужели этим желанием надо так грубо пользоваться? Я знаю тех людей — великие труженики, живут крестьянской жизнью, и каждая копейка добывается трудом и потом, и все праздники непременно в храме, и терпеливые, неропшущие, а вот «кутыв в нижегородском приходе не выдержали». Пожаловались. И сильно удивились.

Удивились и мы и опечалились.

Меня неоднократно беспокоила мысль об оправдании моих занятий художественным творчеством, пусть несовершенным, но не отступающим. Возможно, это было греховно, со времени принятия священства — особенно! Но глубоко каяться мне в этом не хотелось, и, более того, я искал подтверждения и оправдания этому своему, как я называл, «зуду».

И помнилось мне, что в Библии когда-то встретилось имя художника (или «прахудожника») и от Самого Бога Благословение на творчество по украшению Скинии. (Сравнивать искусство, определенное для священного объекта, с творчеством светским не правомочно, но ведь не трудно найти оправдание для себя, что твое несовершенное делание имеет религиозную идею и, значит, правомочно).

И вот, мы перечитываем давно забытое и «открываем»: «И сказал Моисей сынам Израилевым: смотрите, Господь назначил именно **Веселеила...**» (Слышите, имя-то какое, как раз для искусного творца. Не выходит ли, что он родоначальник всех творческих людей, правда, ориентированных на восхваление Божественных искусств). Итак: **Веселеила**, сына Урии, сына Ора, из колена Иудина, и исполнил его Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством, составлять искусные ткани, работать из золота, серебра и меди, и резать камни для вставляния, и резать дерево, и делать всякую художественную работу; и способность учить других вложил в сердце его, его и Аголиава, сына Ахисамахова, из колена Данова; он исполнил сердце их мудростью, чтобы делать всякую работу (для святилища) резчика и искусного ткача и вышивателя...» (кн. Исход, гл. 35, ст. 30-35).

«И стал работать Веселеил и Аголиав и все мудрые сердцем, которым Господь дал мудрость и разумение, чтоб уметь сделать всякую работу, потребную для святилища, как повелел Господь. И призвал Моисей **Веселеила и Аголиава и всех мудрых сердцем, которым Господь дал мудрость, и всех, коих влекло сердце** приступить к работе и работать». (Там же: гл. 36, ст. 1-2).

Вот так! Такое было начало в иудео-христианской религии, в Православной культуре, и это уже другой вопрос, когда и где образовался тот «разъезд» от духовного (религиозного) к светскому и от светского к духовному.

Мне кажется (я эту мысль высказывал), что «фаюмский портрет»* сложился и имел, как сейчас говорят, свои «наработки» к тому времени, когда

* Фаюмские портреты — древнеегипетские заупокойные живописные портреты (расцвет I-III вв.), найденные в 1887 г. в оазисе Эль-Файюм. Писались на доске в технике энкаустики и восковой темперы. Яркая жизненная характеристика образов, сочная пластика отличают портреты, ориентированные на античные традиции. Плоскостная, графическая живопись, условность образов характерны для египетской традиции.

Фаюмские поселения, стоянки эпохи неолита (5-е тыс. до н. э.) в районе оазиса Эль-Файюм в Египте... (Сов. энциклопедия. Москва, 1985 г.)

Почему-то приходит на память Евангельское событие: Святое семейство убеждает от преследований Ирода в Египет... (От автора).

возник чудесным образом «Нерукотворный Образ Христа Спасителя» и когда, по преданию, апостол Лука (евангелист, врач и художник) написал образ Матери Божией, и затем зародился Иконописный канон в Византии, перешедший в Русь, в Русское Православное искусство...

Итак, для себя я нашел оправдание своего несовершенного творчества. Иконописанием я занимался мало, и не по канону, а как умел, как в училище (рисовать, писать) научили, а потом и вовсе отошел, но потребность какого-то самовыражения осталась, в результате чего появлялись те или иные картинки.